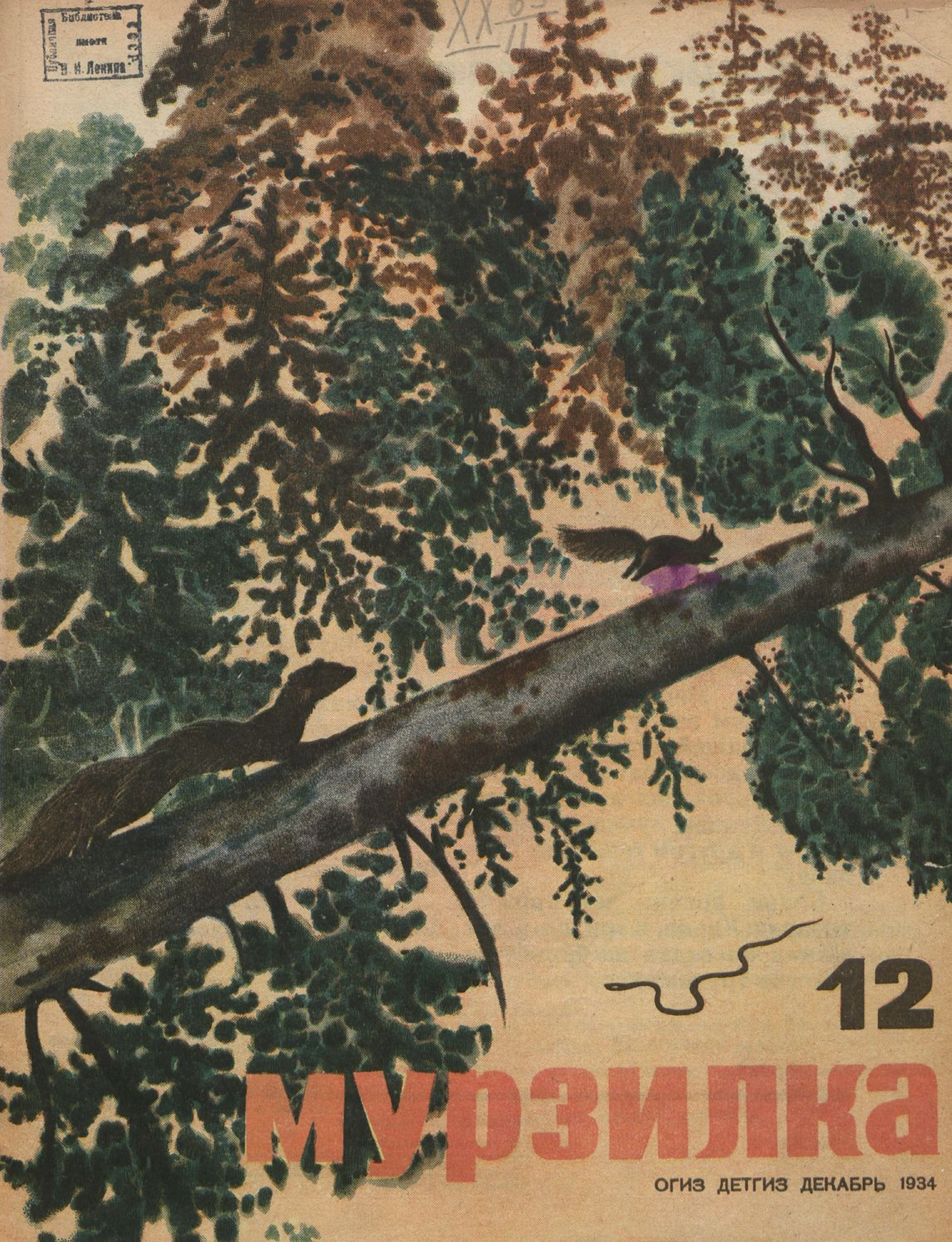

12
мурзилка
ОГИЗ ДЕТГИЗ ДЕКАБРЬ 1934

Сергей Миронович Киров

1 декабря в Ленинграде убит товарищ Киров.

Сергей Миронович Киров был одним из лучших коммунистов нашей страны. Вождь ленинградских рабочих и колхозников, он был лучшим учеником Ленина, лучшим помощником и другом товарища Сталина.

Сорок восемь лет прожил товарищ Киров, и тридцать лет из них он отдал на борьбу за счастье трудящихся.

Убийцу товарища Кирова подослали наши враги.

Рабочих и ученых, писателей и колхозников, инженеров и летчиков, детей и взрослых — всю нашу страну охватило великое горе и гнев.

Миллионы трудящихся пришли прощаться с ним.

Товарищ Киров похоронен на Красной площади, в кремлевской стене, возле мавзолея Ленина.

О жизни и работе тов. КИРОВА читайте во втором номере нашего журнала за 1935 год.

Мурзилка
Год издания одиннадцатый
Ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста
декабрь 1934 № 12
ОГИЗ—ДЕТГИЗ. Москва, Центр, Б. Черкасский, 7. Т. 71-88
Обложка худ. А. Брея.

Про белочку

Сказка О. Иваненко

Худ. А. Брей

Эта белочка родилась в конце лета. Она была очень маленькая, совсем голенькая и совершенно слепая. Старшие братья и сестры посмотрели на нее и отвернулись: она им не понравилась.

— Не торопитесь,—заступилась за белочку мать.—Вы тоже были маленькими и голенькими, а посмотрите, какие теперь у вас пушистые хвосты и уши с кисточками.

И правда, скоро белочка стала мягкой и пушистой и открыла глаза. Сначала глаза были, как маленькие орешки — такой же величины и такого же цвета. А посмотрела она, и стали глаза, как большие орехи. Вокруг все было так интересно, и так много пришлось смотреть.

Белочка высунула мордочку из гнезда, повела ушками и спросила у матери:

— А это что?

— Это наша старая ель; мы будем в ней жить зимой. Это хорошая ель, на ней много вкусных шишек для еды и большое дупло для нашей квартиры.

— А это кто?

— Это птицы. Правда, они много шумят, но особенного вреда они не приносят.

— А это?

— Этот зверь внизу? Этого зверя берегись—это старая лисица. Она хитрая, она может тебя съесть. Но ты не очень пугайся: она не умеет лазить по деревьям, а тебя я научу прыгать с ветки прямо на ветку другого дерева. Вот так, как прыгают твои братья и сестры.

Белочка смотрела и завидовала: так хорошо ее братья прыгали по зеленым елям. Их точно ветер перебрасывал с елки на елку. Они прыгали по всему лесу и приносили младшей сестренке красных ягод, белых грибов и коричневых орехов.

„Вот бы мне научиться прыгать,—думала белка,—я бы всех обогнала, и убежала бы я очень далеко“.

Наконец и у нее окрепли лапки, и хвостик стал пушистым. Она махала им перед мордочкой, как веером. А над ушками выросли маленькие кисточки.

— Хорошо, что подросла наша маленькая белочка,— радовалась мать. — У нас теперь много дела, мы собираем запасы на зиму, и ты, белочка, будешь нам помогать. Только, смотри, не забегай далеко, дальше дуба и ели не ходи.

Раз утром маленькая белочка вместе со всеми вышла на работу.

Лес был очень красив. Листья теперь были не зеленые, а желтые и красные, как цветы. А деревья стояли тихо, и каждое было красивей, чем другое. Это были первые осенние дни. Небо было синее и чистое. Пауки ткали тонкие нити и пускали их по воздуху. А нити летали и блестели на солнце.

— Как хорошо! — сказала белка.

— Только, смотри, — сказала мать, — не убегай далеко.

„Ну, а мне как раз надоело смотреть на одно и то же,— подумала белочка. — Все ель да дуб — это скучно. Я побегу и посмотрю, что делается в других местах".

И она побежала.

Навстречу летели птицы; они пели. Белочка помнила, что их нечего бояться, и бежала дальше. Встречались ей быстрые мошки. Все были заняты, и все спешили, так же как белочка.

— Ой, сколько грибов! — закричала белочка и спрыгнула вниз, чтоб набрать побольше.

Вдруг рядом что-то зашуршало. К белочке полз длинный, тонкий и скользкий сучок. Сучок был голый и без листьев. Белочка не догадалась, что это змея, но все-таки она испугалась и прыгнула наверх.

„Лучше пойду домой", подумала она и скорей побежала.

Перед ней открывались все новые и новые места. Она забыла, по каким деревьям она сюда бежала.

— Дук-дук! — закричала белочка. Но мать и братья ей не ответили. Она поняла, что заблудилась.

Стало темнеть.

Внизу пробежал заяц.

— Заинька,— позвала белочка,— скажи, пожалуйста, как пройти к старой ели?

Заяц на миг остановился.

— Это к какой? Здесь очень много старых елей. Я не знаю, какая тебе нужна. Ты лучше сиди наверху: здесь бегает рыжая хитрая лисица, и старый волк вышел гулять.

— Волк? Это очень страшно. Переночую здесь, а утром побегу искать. — И тут белочка увидела на толстой ветке большое гнездо с яичками.

Ей очень хотелось есть. Змея так напугала ее, что она забыла захватить грибы. Она выпила яйца и выбросила скорлупки. Гнездо было выстлано мхом, и спать было очень хорошо.

А утром кто-то злой и страшный зашипел и захлопал над ее головой. Это сова вернулась в свое гнездо.

— Ах, злодейка! Что ты наделала? Я тебя заклюю!

Это было очень страшно. Белочка бросилась вниз. Но внизу была новая беда: куница следила за ней своими хитрыми глазами. Белка прыгнула выше и побежала по деревьям. Белка прыгала по веткам, а куница гналась за ней по земле. Белка добежала до берега пруда. Бежать ей стало некуда, а плавать она не умела. Вдруг она видит: плывет большой кусок березовой коры. Белочка прыгнула на него. Она поставила хвост, как парус, и поплыла по ветру. Она пристала к другому берегу.

„Ну, теперь я еще дальше от родных", грустно подумала белочка. Лес здесь был еще лучше, но белочке он казался плохим: здесь не было ее близких.

Дни стали холоднее. Желтые листья падали с деревьев и делались коричневыми. Птицы собирались стаями и громко кричали полям и лесу „до свиданья". Они улетали далеко.

Белочка приютилась в дупле осины. Дупло было маленькое, неуютное; часто ночью она не могла спать от сырости. Белочка очень грустила. У каждого встречного она расспрашивала, как ей найти старую ель.

— Я бы перенесла тебя, — сказала одна добрая птица, — да боюсь: ты тяжелая и можешь поломать мне крылья, а они мне самой нужны, — мне еще далеко лететь.

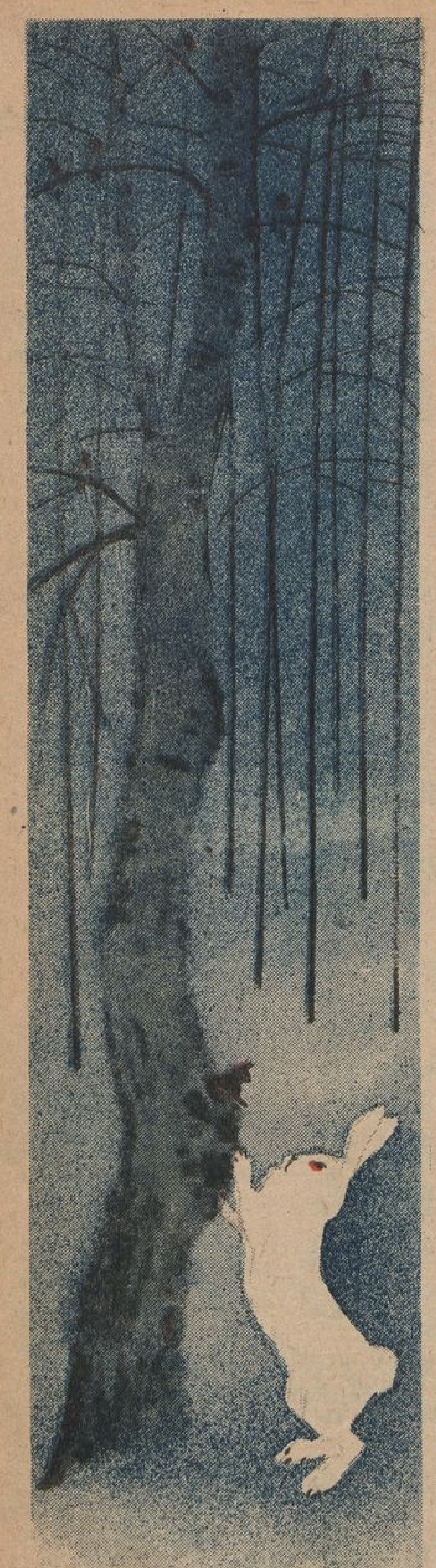
— Я бы провел тебя под прудом моими туннелями, — сказал крот, — да мне некогда: я готовлюсь к зиме.

— Не огорчайся ты зря, — сказал еж, — а лучше готовься к зиме. Может, ты и не найдешь своих, а наступят морозы, и ты замерзнешь.

— Не могу и не хочу я жить одна, мне грустно, — ответила белочка.

— Ну, иди жить ко мне, — сказал еж. — Давай вместе готовиться к зиме. Вот я тебе покажу, что надо делать.

Они подошли к большой куче сухих листьев. Еж стал кататься по листьям, и листья накалывались на иглы.

Белке показалось, что это очень смешно. Листья торчали во все стороны, как будто куча листьев сама шла по лесу. Белка захохотала.

— Ну, чего ты смеешься? — рассердился еж. — Лучше помоги мне: возьми да наколи на себя тоже листьев.

Белка стала кататься по куче, но листья к ней не прилипали.

— Ну, толку от тебя никакого, да еще и хохочешь зря, — рассердился еж и прогнал ее.

Белочке стало еще грустнее. Она боялась отходить от своей осины. Она понимала, что она маленькая и слабенькая и снова может заблудиться.

Белочка не одна жила в осине. Под кору забились жуки, червяки, разные мошки. Они готовились к зимовке.

Что ж, пришлось и белочке готовиться. Она собрала орехов, шишек, ягод.

А зима подходила все ближе. Дни делались короче, а ночи длиннее. Выл ветер, шел дождь. А потом с неба стало падать что-то белое, мягкое и холодное. Белочка свернулась в дупле. Ей было очень холодно, и она пробовала согреться.

Вдруг в дупло просунулась белая мордочка с длинными ушками.

— Здравствуй, белочка! Я все-таки нашел твою ель. Тебя ждут родители. Они о тебе очень беспокоятся. Бежим скорее! Пруд замерз, он теперь твердый, и по нему можно ходить.—Это был тот самый заяц.

— Какой ты стал странный! — сказала белочка. — Я тебя и не узнала. Тогда ты был серый, а теперь белый.

— Это я нарочно, — сказал заяц, и глаза у него сделались хитрыми. — Я белый, и снег белый, вот меня и не видно. Идем скорее!

— Ой, как я рада! Только мне хочется захватить для них мои орехи и ягоды.

Заяц подумал. Он был добрый и сказал:

— Ладно. Садись на меня, бери подарки в руки, — я тебя довезу.

Так и сделали. Заяц так побежал по лесу, что только снег в разные стороны разлетался.

А у старой ели уже ждали белочку и мать и отец, и братья и сестры, и вся белочкина родня.

И дуб бормотал ей что-то хорошее, и ель хотела обнять ее своими лапами.

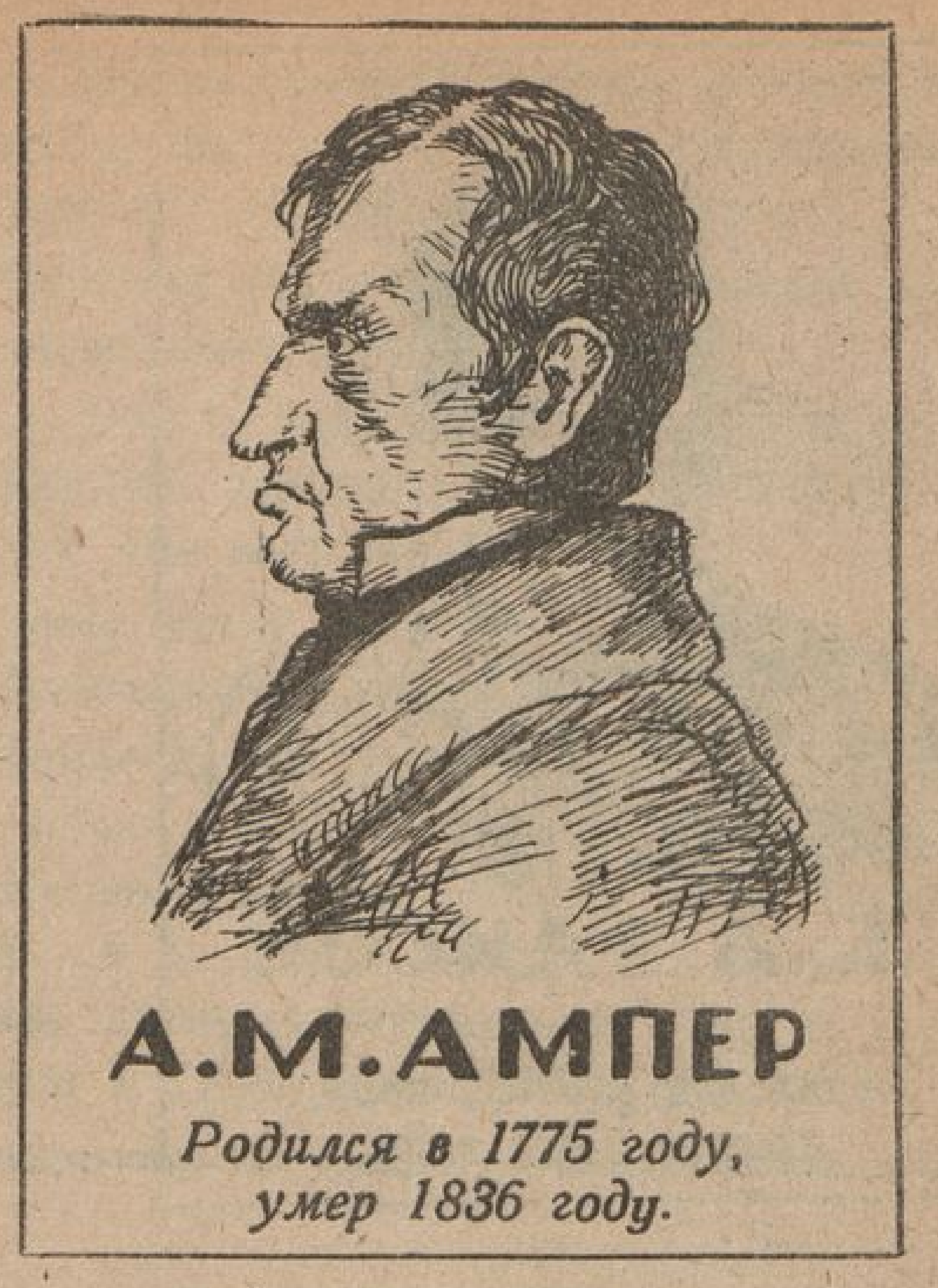
Ну, а белочка была уже не маленькая, — она была уже взрослая и умная белка. Братья и сестры уже не хвастали перед ней: теперь она знала, пожалуй, побольше, чем они.

Перевела с украинского А. Крачковская

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ О БОЛЬШИХ УЧЕНЫХ

М. Гершензон

Худ. П. Кузьмичев

А. М. АМПЕР

Родился в 1775 году, умер 1836 году.

Сто пятьдесят лет назад жил во Франции мальчик, которого звали Андрэ Ампер. Он еще не ходил в школу и не умел писать цифры. Скажи ему: „Андрэ, напиши сто пятьдесят"— он и не смог бы написать. Потому что еще был мал.

Но считать он очень любил. Он брал камешки разного цвета и раскладывал их рядами; белые камешки — единицы, красные камешки — десятки. Или брал фасоль — фасоль тоже бывает разного цвета. Вот и складывает белые с белыми, красные с красными. Он уже знал, что десять белых камешков — это все равно, что один красный.

Один раз он сильно заболел. Ему скучно было в постели, а мать забрала у него камешки, чтобы он лежал тихо и не ворочался. Кушать ему тоже нельзя было.

Лежит он день; лежит два. Мать дает ему только бульон и жиденький кофе.

— Мне бы корочку, — говорит Андрэ.

— Ну, так и быть,— пожалела его мать и принесла ему сухое печенье — бисквит. Пахучий, румяный.

Хлопочет мать по хозяйству, а сама прислушивается — у Андрэ в комнате тихо.

„Наверное, уснул", думает мать.

Открывает потихоньку дверь, смотрит...

Андрэ наломал бисквит на кусочки и разложил их рядами. Один ряд весь белый, другой — весь румяный.

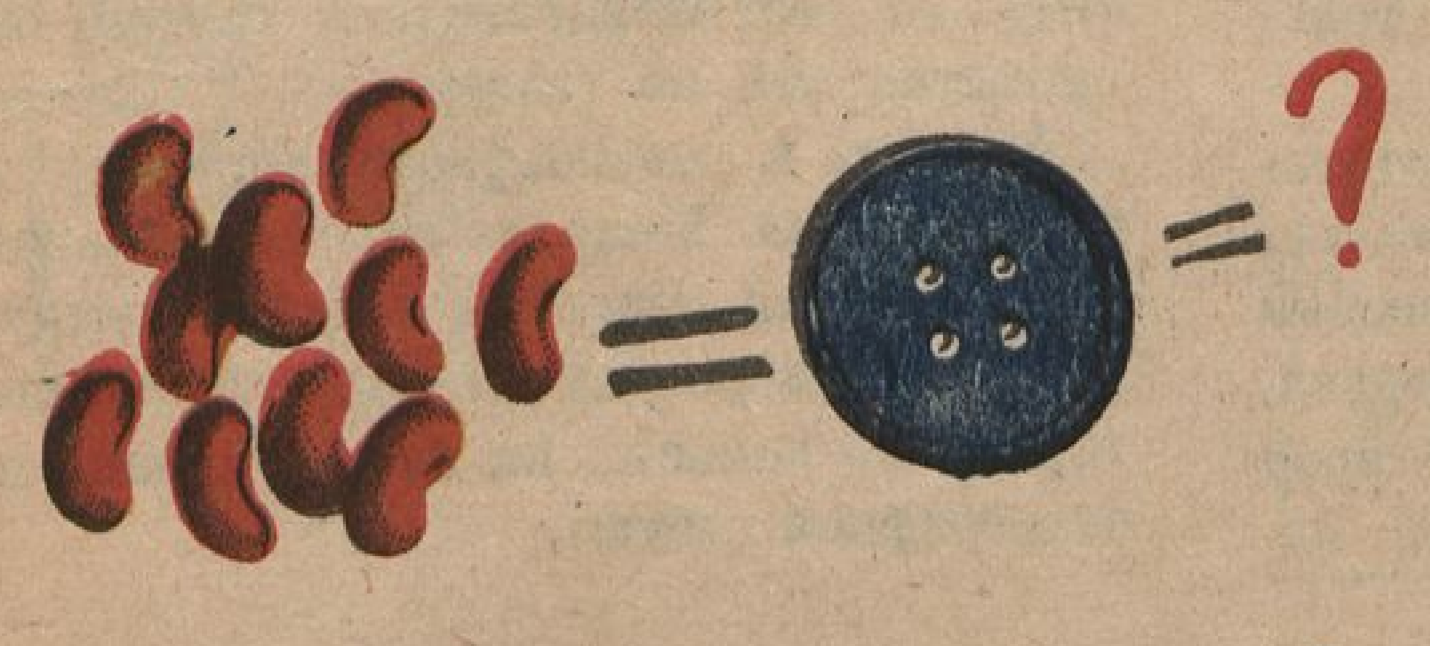
— Ты что же, мальчик, не ел совсем?

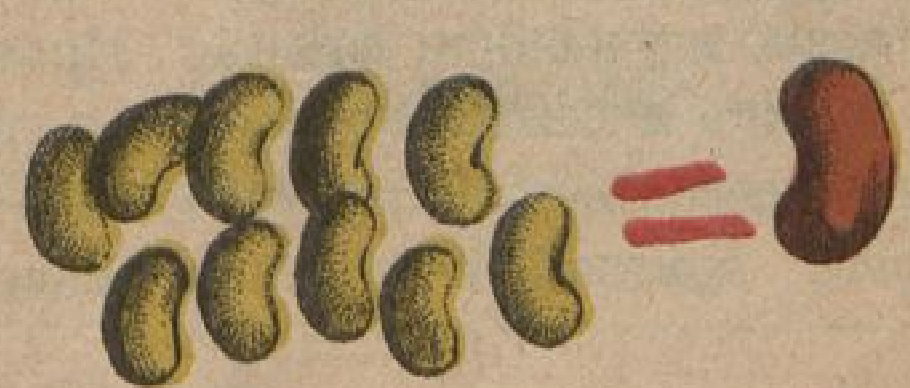
А у мальчика глаза блестят, он говорит матери:

— Знаешь, мама, десять белых —это один красный. А десять красных—это одна пуговица.

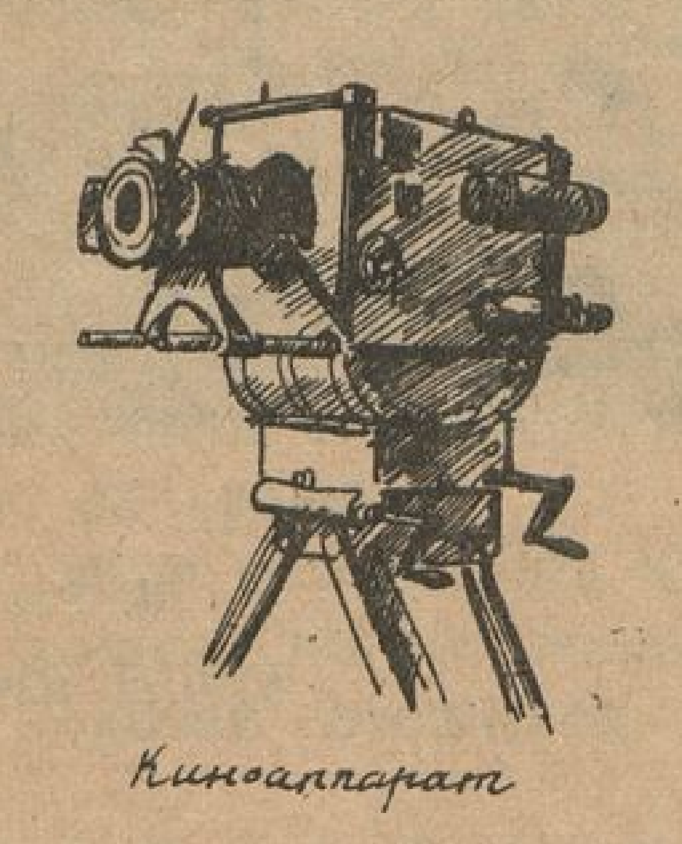
— Ах, ты, мой математик!— сказала мать.

Когда Андрэ вырос, он стал знаменитым математиком и физиком. Он сделал большие открытия, изучая электричество. До сих пор силу электрического тока измеряют мерой, названной его именем — ампером.

Киноаппарат

На стене висели большие старинные часы. Старинный кнут торчал из-за дубового ящика часов.

В половине десятого Аль возвращался с работы. Он привозил домой пачку газет, которые не успел продать за день, и отец садился читать их.

Часы били десять, потом одиннадцать. Аль торопливо перелистывал страницы учебника физики.

Половина двенадцатого. Отец бросает взгляд на часы и на кнут и говорит сыну: „Спать!"

Аль не боялся кнута: отец давно не пускал его в дело. Но часы Аль ненавидел. Протяжный, хриплый удар часов отнимает у Аля книгу. Нужно ложиться спать. В половине двенадцатого мальчик должен быть в постели. А когда же учиться? С половины десятого до половины двенадцатого — только сто двадцать минут.

На столе перед Алем стоит замечательный аппарат. Он сделан по всем правилам, как написано в учебнике физики. Проволока уходит в окно и бежит от дерева к дереву, по бутылочным горлышкам, через весь город до старого домика, в котором живет мексиканец Михаэль Оатс. Михаэль на два года моложе Аля, но он тоже знает телеграфный язык — азбуку Морзе.

— Половина двенадцатого, — выстукивает телеграфным ключом Аль, — я должен итти спать.

— Постучим еще немножко, — отвечает Михаэль Оатс.

Но отец встает и подходит к Алю. Разговор кончен.

Так не научишься работать ключом. Восемь — десять слов в минуту передают мальчики. А хороший телеграфист передает тридцать.

— Иду, иду, — говорит Аль, исподлобья глядя на отца. И добавляет про себя: — Погоди, завтра мы тебя перехитрим.

На другой день Аль вернулся без газет.

— Я продал все до одной, — сказал он отцу. — У Михаэля остались газеты, он нам прочитает их по телеграфу.

Аль сел к телеграфному аппарату. Аппарат застучал. Михаэль передавал напечатанные в газетах известия о войне между Южными и Северными штатами Америки. Аль торопливо заносил на бумагу точки и тире телеграфной азбуки.

— Передаю газету „Ивнинг Пост",—диктовал Михаэль.—В штате Алабама восстали негры...

Восемь слов—одна минута. Отец торопит Аля:

— Ну, скорей. Что еще говорится в газете?

— Арестовано трое белых вожаков. Точка. Повешено тридцать пять негров.

Еще минута — девять слов.

Отец придвигается к Алю поближе. Ему очень хочется знать, чем кончилось восстание в Алабаме, кто победил.

Часы бьют одиннадцать, половину двенадцатого, двенадцать, опять половину, час.

— Ну, на сегодня хватит,—говорит Аль.— Сегодняшний наш рекорд — двенадцать слов в минуту. Спокойной ночи, отец.

Проходя мимо часов, он бросает на них насмешливый взгляд.

— Две недели такой работы, и я буду принимать тридцать слов в минуту,— бормочет Аль засыпая.

Часы висят на стене — такие же смирные и безвредные, как старый кнут.

Томас-Альва Эдисон всю жизнь крал у часов часы и минуты. Он прожил на свете восемьдесят четыре года, учился и работал до самой смерти. Он изобрел фонограф, который записывает звуки, и граммофон и кино, и сотни других чудес.

Больной язык

Басня М. Андриевской
Худ. Щеглов

Жорж не пошел сегодня в школу.
С постели он пищит: „Я, мама, нездоров!.."
Мать приглашает докторов.
Пощупал врач у Жоржа грудь и спину.
— Приятно,— говорит,— взглянуть на молодчину.
Посмотрим, как язык. Суть, верно, в языке...
Жорж покраснел. В глазах — тревога.
—Да,—говорит,—все дело в языке.
Меня бы вызвали по русскому к доске,
А я... не выучил урока!..

Загадка

В щель забрался людоед. Людоеду ты— обед.

СТИХИ Н. А. НЕКРАСОВА

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
и морозец знатный.
По дороге столбовой
едет парень молодой,
ямщичок обратный;
не спешит, трусит слегка,—
лошади не слабы,
да дорога не гладка—
рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
вожака с медведем.
—Посади нас, паренек,
веселей доедем!
— Что ты? с Мишкой?
— Ничего! Он у нас смиренный.
Лишний шкалик за него
поднесу, почтенный!
— Ну, садитесь!—Посадил
бородач медведя,
сел и сам—и потрусил
полегоньку Федя.
Видит Трифон кабачок,
приглашает Федю:
— Подожди ты нас часок!—
говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,—
видно, стар годами,
только лапу лижет он
да звенит цепями...
Час проходит,—нет ребят.
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
лошаденки тихо.
Свечерело. Дрожь в конях.
Стужа злее на ночь.
Заворочался в санях
Михайло Иваныч.
Кони дернули. Стряслась
тут беда большая:
рявкнул Мишка!—понеслась
тройка, как шальная!

Колокольчик услыхал,
выбежал Федюха,
да напрасно—не догнал!
Экая поруха!
Быстро, бешено неслась
тройка, и не диво:
на ухабе всякий раз
зверь рычал ретиво.
Только стон кругом стоял:
„Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
едет на берлогу!“
Вздрогнет встречный мужичок,
жутко станет бабе,
как мохнатый седочок
рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх—
не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах,
бедные, отдули.
Прямо к станции летит
тройка удалая.
Проезжающий сидит,
головой мотая;
ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
сам смотритель на крыльцо
выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
и медвежья шуба;
не заметил впопыхах,
что с железом губа.
Не подумал: где ямщик
от коней гуляет?
Видит—барин материк.
„Генерал“, смекает.
Поспешил фуражку снять:
— Здравия желаю!
Что угодно приказать—
водки или чаю?

Худ. Д. Горлов

Хочет барину помочь
юркий старичишка.
Тут во всю медвежью мочь
заревел наш Мишка!
И смотритель отскочил:
— Господи, помилуй!
Сорок лет я прослужил
верой, правдой, силой;
много видел на тракту
генералов строгих,
нет ребра, зубов во рту
нехватает многих,
а такого не видал.
Господи Исусе!
Небывалый генерал,—
видно, в новом вкусе!
Прибежали ямщики,
подивились тоже;
видят — дело не с руки,
что-то тут не гоже.
Собрался честной народ,
все село в тревоге:
„Генерал в санях ревет,
как медведь в берлоге!“
Трус бежит, а кто смелей,
те, потехи ради,
жмутся около саней;
а смотритель сзади.
Струсил, издали крич[illegible]:
— В избу не хотите ль?
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал,
и со всею свитой...
Два часа в санях лежал
генерал сердитый.
Прибежали той порой
ямщик и вожатый;
вразумил народ честной
Трифон бородатый.
И Топтыгина прогнал
из саней дубиной...
А смотритель обругал
ямщика скотиной...

Эти стихи написаны семьдесят лет тому назад, когда железных дорог в России было очень мало.

ПЕЧКА

Я. Тайц
Худ. В. Веретенников

Пошли мы с Федей купаться. Он нырять мастер, а я не знал, и надо было мне сказать:

— А ну, кто дольше нырнет?

— А ну!

Он бултых в воду, я бултых в воду; терплю, терплю, терплю, больше не могу, вынырнул — ух, как хорошо дыхнуть! А его нет. Я кричу: „Федя, Фе-едя!“ Нету, только вода блестит. Я испугался: „Фе-едя!..“ А он высунул голову из воды, смеется, и капли серебряные падают...

— А я тебя перенырнул!

Развалились мы на песке, смотрим на небо, смотрим на реку, греемся.

— Дядя, расскажи чего-нибудь, — пристал Федя. — Раз я тебя перенырнул, должен!

Не знаю, чего ему рассказывать! По реке дрова плывут, большие поленья, я и вспомнил:

— Вот я тебе про дрова расскажу. Жил-был старичок один в глу-ухом месте, где календарей нет...

— Это что дни срывают? У нас есть.

— У вас есть, а у того старичка не было. А ему надо знать, когда воскресенье.

— Зачем?

— Молиться!

— И у нас такие старички есть, что молятся.

— Ладно. Вот старичок догадался. Отобрал себе шесть полешек и каждый день полено на печку закидывает. Как все шесть на печке, значит завтра воскресенье.

Федька сыплет на меня горячий песок, насыпал горку и говорит:

— И у нас такая печка есть.

— Все у тебя есть! Не может этого быть!

— А вот увидишь, не вру. Приходи к нам вечером!

Пришел я к ним вечером. Дома один Федя, у окошка столбики решает. Темно становится; ходики тикают на стенке; действительно календарь белеет; посреди избы печь возвышается. Печь как печь, в потемках ничего особенного не видать.

— Показывай печку!

— Погоди, — говорит Федя, — смотри, как наши приходить будут.

Посидели мы с ним у окна, смотрим, как заря остывает и красное в синее переходит. По земле скользит что-то большое, белое, — это стадо гусиное на ферму возвращается; потом прошло громадное овечье стадо — чабан впереди и овцы за ним серым облаком; потом коровы прошли — хлопают себя хвостами по бокам и мычат на разные голоса.

А небо все синеет, синеет.

И вот скрипнула дверь — Федькин отец с работы пришел. Он зажег электричество и

сразу к печке. Пошарил в жерле уголька, — раз! — черту на печке провел и только после этого со мной поздоровался.

Потом пришел Федькин старший брат, Антон. Он сразу к печке, пошарил в жерле уголька, — раз! — черту на печке провел и со мной поздоровался.

Потом пришла Федькина сестра, Мариша. Она сразу к печке, нашарила уголек, — раз! — черту на печке провела и за стол села.

Федька смотрит на меня, а я на всех и на печку. Пригляделся — вся печка исчиркана со всех четырех сторон.

— Это вы зачем же так, Аким Федорыч? — спрашиваю у старика.

Аким Федорыч улыбается в бороду:

— Это мы на ней трудовые дни замечаем. Трудодень заработал, ставь сюды, отмечай!

— А не лучше ли вам в книжечку?

— Нет, не лучше, — ответил старик. — Пробовали мы, только для нас так хуже, потому мы меж собой соревнуемся, и на печке нам сразу видать, кто кого одолевает, ровно как на доске какой.

Тут пришла хозяйка, Федькина мать, и, слушая наш разговор, покачала головой:

— Всю печь замарали, бессовестные!

Потом подошла к печке и нашарила уголек:

— Где тут мои деньки трудовые?

И тоже поставила жирную черту.

Повесть о том,

как поссорились Левка с Людой и что из этого вышло

(Продолжение)

А. Барто
Худ. М. Михаэлис

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прошло шесть дней и еще шесть дней. И каждые шесть дней в коридоре вывешивали сводку хода соревнования А и Б.

А был впереди только по алфавиту, по географии, а по тишине в столовой он был сзади. Но он мечтал о победе. Об этих мечтах и рассказывает первая глава второй части.

Третий А по дисциплине
позади, позади.
Третий Б по дисциплине
впереди, впереди.

Ну, чуть-чуть бы пошалили,
ну, затеяли бы спор,
чтобы им по дисциплине
отменили „очень хор".

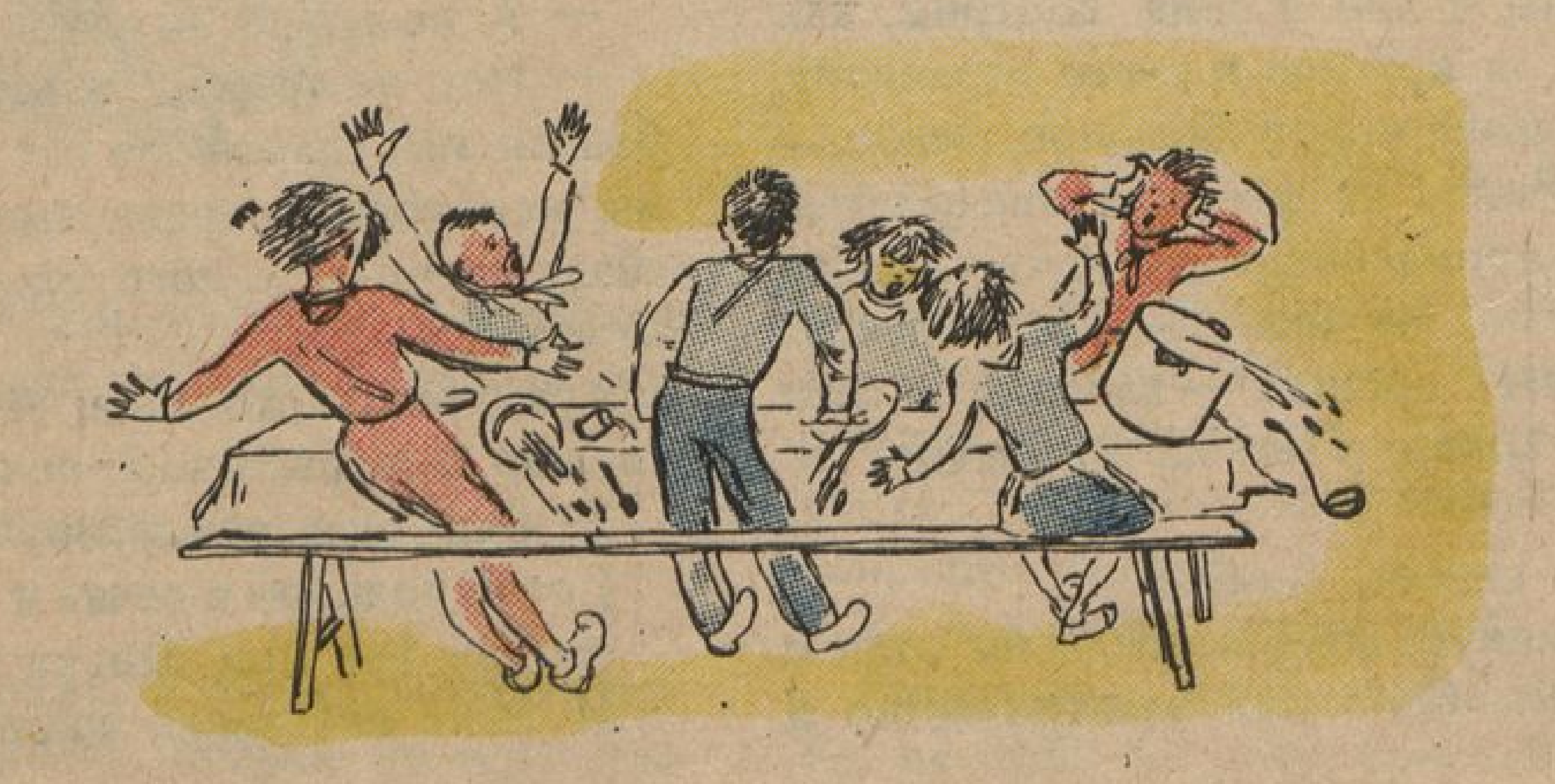
— Вот бы дать из пушки залп, —
Юрка шопотом сказал.—
Вот бы выстрелить из пушки —
все заскачут, как лягушки,
ложки на пол упадут.
Вместо „хора" станет „уд".

— Вот бы к ним, — сказал Сережа,—
посадить на стол ежа.
Сядет ежик между ложек —
все запрыгают, визжа,
все заскачут, захохочут,
все ногами затопочут,
ложки на пол упадут.
Вместо „хора" станет „уд".

— Я боюсь, что скоро тут
вместо „хора" станет „уд".
Оглянулись все и.. ах!
Анна Власовна в дверях.

Так мечтает о победах
третий А, третий А?
О чужих мечтает бедах
Третий А, третий А?

Не о том, как за обедом
хорошо себя вести,
но о том, как за обедом
всех соседей подвести?!
Вам не стыдно, третий А?
Вам не стыдно, дети, а?
Я боюсь, что скоро тут
вместо „хора" станет „уд".

ГЛАВУ ВТОРУЮ

вы не поймете, если не узнаете, что в выходной день А и Б отправились в Сокольники. В Сокольниках была назначена военная игра, вместе с которой началось то, о чем сказано в этой главе.

Пусть мороз сегодня грозен —
мы дойдем до снежных гор.
Мы идем, и на морозе
чуть похрипывает горн.

Раз, два!
Тра́-та, та́-та...
Ле́вая, ле́вая!
Ну, шагай,
шагай, ребята!
Ле́вая, ле́вая!

— Звенья, стоп! — сказала Женя
и значок поправила. —
Прежде чем начать сраженье,
не забудьте правила.
Вам придется разделиться
на две равных партии.
Ну, решайте, кто полиция,
кто из Красной гвардии?

Но, как начали делиться
на две равных партии,
никого нет из полиции —
все из Красной гвардии.

Сверху, с неба, снег пушистый.
Хлопья вьются птицами.
А кричит, что Б — фашисты,
Б — что А полиция.

— Класс, в атаку! — крикнул Лева. —
Наша армия готова.
И летит в атаку Юрка,
утопая в длинных бурках.

Ой, бой!
Начат бой.
А на Б
летит гурьбой.

Начат бой
без всяких правил:
кто в лицо снежок отправил,
кто в глаза
пустил снежком.
Женя машет
им флажком.
Женя в горн
трубит отбой.
Это драка,
а не бой.
А кидается снежками,
Б кричит взволнованно.
Вдруг... всплеснули все руками...

Дальше все нарисовано.

—Для того, чтоб вас проверить,
я пришла в Сокольники.
Не могу глазам поверить:
это наши школьники?

—Простите, Анна Власовна.
Сердится на нас она.

—Не просите, слез не лейте,
не краснейте, третий класс.
Завтра утром на линейке
будет сказано про вас.

—Молодцы,—сказала Женя
и значок поправила.

—Молодцы,—сказала Женя:—
соблюдали правила.

Раз, два!
Тра́-та, та́-та!
Ле́вая, ле́вая!
Шагом марш
домой, ребята.
Ле́вая, ле́вая!
—Не просите, слез не лейте,
не краснейте, третий класс.
Завтра утром на линейке
будет сказано про вас.

(Продолжение следует)

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ И ЗАДАЧИ

В „МУРЗИЛКЕ" № 10

Первая загадка — Гриб.
Вторая „ — Снег.
Третья „ — Море.

Ответ на задачу:
„Пять партизан и пять кольтов"

— Послушай, дядька,— сказал мне Андрей.— Я беру Шурку и еду с ним на тот берег. Так. Оставляю его там, сам гоню лодку назад. Теперь садится один из нас с кольтом,—и айда на тот берег. Шурка гонит лодку обратно, мы с ним вдвоем—опять на тот берег. Я возвращаюсь с лодкой—и пошло, и пошло.

Так мы и сделали. Река небольшая, за ночь все были там. Ребята с нами пошли, а скорлупку эту самую потопили, чтоб не досталась белым. Вот как выручили нас пареньки.

Ответ на задачу: „Ага, я первый!"
Всего было орехов—27.
Миша съел 9 орехов,
Надя съела 6 орехов.
Сережа съел 4 орех .

В „МУРЗИЛКЕ" № 11

ДРЕВНЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

У мула было 7 мешков.

У ослицы—5 мешков.

ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ ЗАДАЧА

Если бы в клетке были только фазаны, то ног у них было бы 70, а не 94. Значит, 24 лишних ноги—это ноги кроликов, по две на каждого. Значит, кроликов было 12, фазанов—23.

„Зря старался Трошка: разгадали мы обложку!“

Так пишут Трошке ребята в ответ на фотозагадку в десятом номере. Писем Трошка получил очень много. Вот письмо **Гали Чудновской** из Ленинграда:

„Я пишу скорее Трошке,
что такое на обложке.
Это северный медведь, Мишка.
Как увидел медведя мой младший братишка,
так сразу же начал реветь“.

Геня Бородулин решил, что на обложке конопля. **Сережа Журавлев** думает, что это стог сена, а маленькая **Вера Хмельницкая** решила, что снята мелко нарубленная капуста. Ребята из школы глухонемых в Ростове-на-Дону пишут:

„Трошка, а на обложке, нам кажется, шкура белого медведя“.

Каля Левашева увидела на обложке голову льва, **Коля Татаринов** — козью шерсть. Малыши из детсада № 58 в Москве, на Красной Пресне, гадали, гадали и написали Трошке:

„Тут и шапка, и кролик, и лиса, и волосы, и сноп соломы, и баран“.

Олег Наудин пишет:

„Это хвост страуса, которого я видел в зоологическом парке“.

Ребята из Грабовской школы, Пензенского района, прислали свои стихи:

„Видно, Троша, ваше фото
в школу во-время пришло.
В деревенской нашей школе
вой двойник оно нашло.
За косматую девчонку
стыдно, стыдно было нам,
и решили мы всей школой:
„Крах косматым гдловам“.

Пишут ребята со станции Лобна, Уральской области, школа I ступени:

„Это голова лохматого ученика. У нас есть тоже такая ученица. Она приходит в школу лохматая“.

Оказывается, еще в одной школе такая же беда.

Люда Кузнецова подумала, что это Трошкина нечесанная голова.

Не отгадали, ребята!

Мы уже стали Трошку ругать за трудную загадку и вдруг получили письмо:

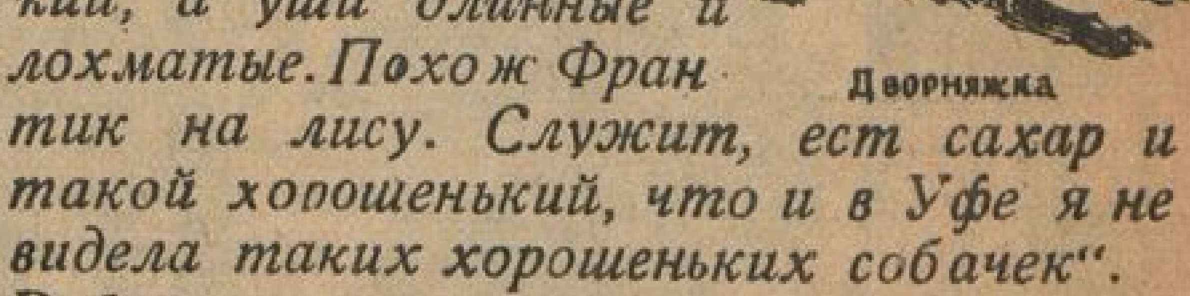
„Трошка, Трошка,
погоди немножко!
Я не ела, все сидела
да глядела
на твою фотообложку.
Думаю, не шерсть и не мочалка,
А немецкая овчарка“.

Валида Сихарулидзе 8 лет,

Немецкая овчарка.

А вот письмо от **Гориной Клары** со станции Улу-Теляк, Самаро Златоустовской железной дороги:

„Фотозагадка ваша, Троша, на „Мурзилкиной“ обложке похожа на ухо нашей собачки Франтика. Скажите, а как вы, Трошка, смогли его сфотографировать? Мой Франтик сам маленький, а уши длинные и лохматые. Похож Франтик на лису. Служит, ест сахар и такой хорошенький, что и в Уфе я не видела таких хорошеньких собачек“.

Дворняжка

Ира Рублева пишет:

„Троша, долго я смотрела на фото и решила, что это собака. Называется болонка. Нашла глаз. Напиши мне, верно или нет“

Галя Грачева думает, что это собака:

„Какой породы — я не знаю, но только очень лохматая, и снимок произведен с затылка“.

Пудель.

Геля Загоскин, из Ульяновска, пишет:

„Это пудель. Собака, приученная к людям. Она считалась у бояр игрушкой“.

Вот эти ребята молодцы. Отгадали, что на обложке собака. А породу определить правильно сумел только **Вася Осипов** из Сызрани. Он написал:

„Изображена на обложке собака. Порода—русская овчарка“.

Овчарка.

Верно, Вася. Трошка снял южнорусскую овчарку. Ее зовут Эмпа. Она живет в питомнике военных собак.

А в следующем номере, ребята, Трошка напишет вам письмо сам. Он обещал притти в редакцию и принести для вас целую папку интересных вещей.

Читай первый номер за 1935 год.

ОЛЕ НЕ ВЕЗЕТ

Ирина Залетаева
Худ. М. Михаэлис

Банки, склянки, чашки, блюдца
так и бьются, так и бьются!
Где стакан стоял на полке,
там теперь одни осколки.

А Оля и говорит:

„Правда, мама, все разбито.
Только зря ты так сердита—
слишком хрупкая посуда
понаставлена повсюду.
Со стаканом, как назло,
очень мне не повезло“.
Щетка длинная летала,
щетка стекла выметала.
Эта щетка уронила
с подоконника чернила.

А Оля и говорит:

„Ну, задела и задела!
Что же я могла поделать?
Ведь не вижу я затылком,
что за мной стоит бутылка.
И со щеткой, как назло,
просто мне не повезло“.
Закипела тут работа
у лилового болота —
вытирала промакашка,
вата, папина рубашка.

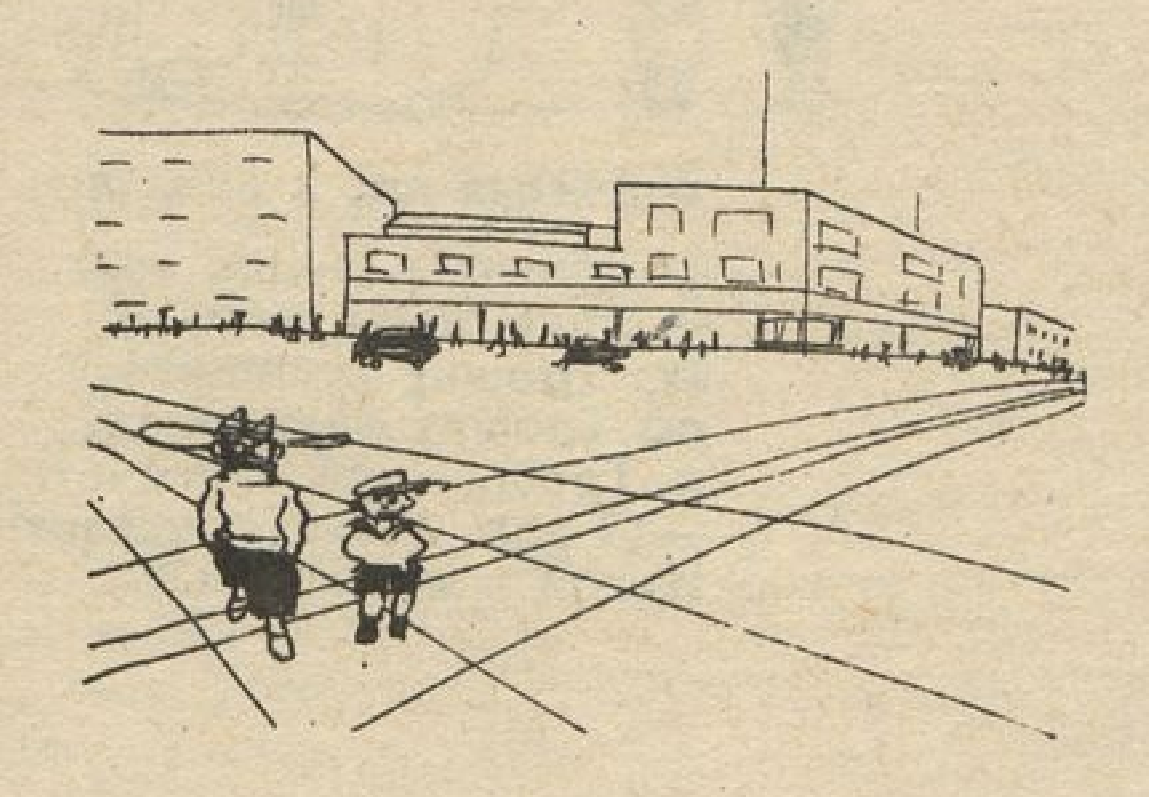
А Оля и говорит:

„Вовсе я не виновата:
мало очень было ваты,
промакашки нехватило,—
я рубашку и схватила.
Ну, а с нею, как назло,
мне совсем не повезло“.

В журнале № 11 в примечании к ,,Воздушному великану'' по ошибке напечатано: ,,Алексей Николаевич Туполев''; следует читать: ,,Андрей Николаевич Туполев''.

Как Трошка Алешку учил

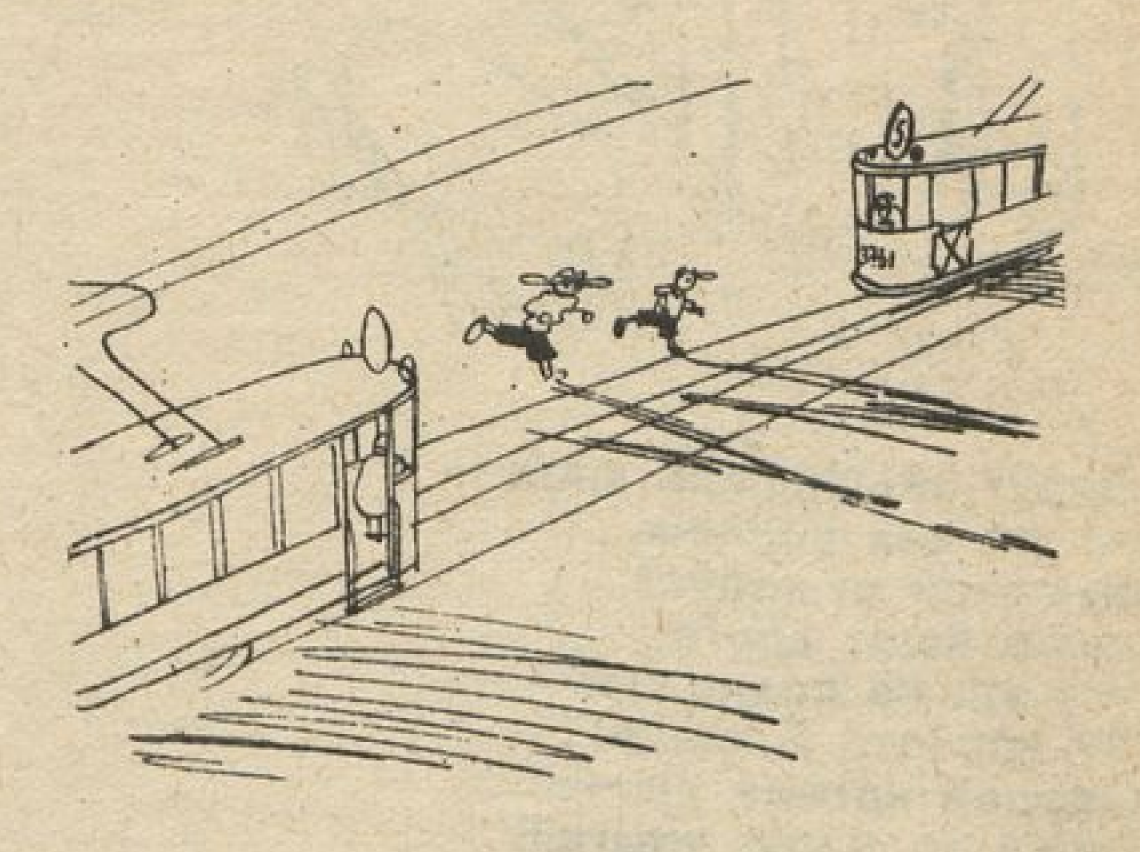
как Алешка синяк получил, как Алешка на Трошку напал, как в милицию Трошка попал,—обо всем этом ты узнаешь, если посмотришь внимательно на эти картинки.

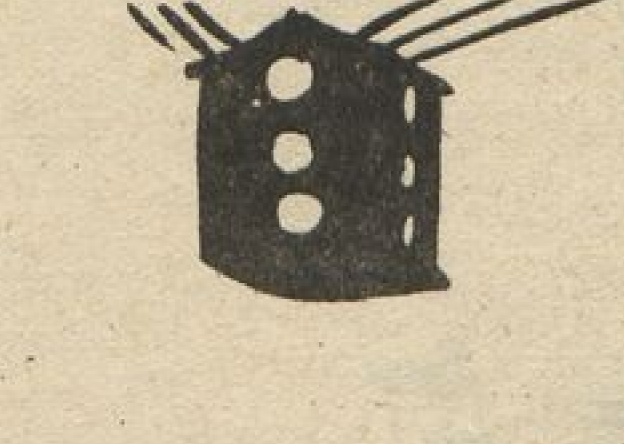
**1. Была погода чудная,
шумела площадь людная,
и возле тротуара
шагала эта пара:
в широкой шляпе—Трошка,
а в картузе—Алешка.**
***Как ты думаешь: правильно
они шли или нет?***

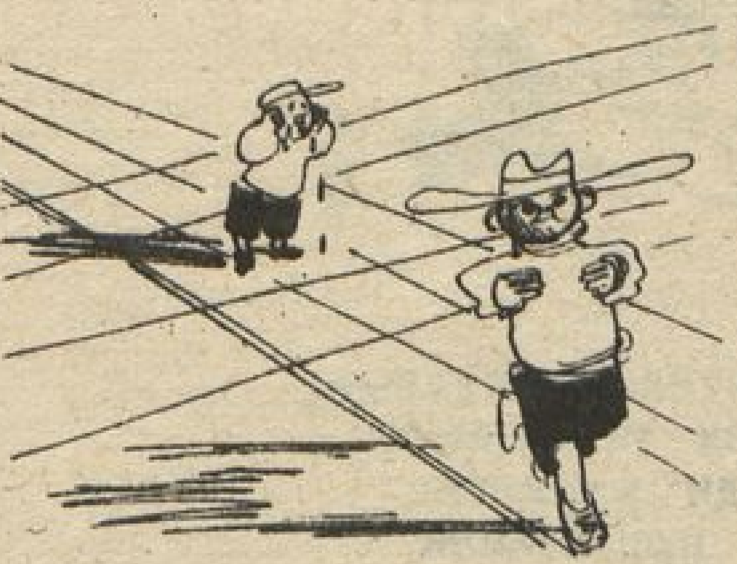

**2. Вот шли они—зевали,
прохожих задевали;
седому гражданину
уткнулись прямо в спину,
а все не сторонились.
Прохожие бранились...**
***Как ты думаешь: попусту
бранились прохожие или нет?***

**3. Друг друга нагоняя,
несутся два трамвая.
Наперерез им Трошка,
кричит: „Беги Алешка!"
И вдруг у поворота
загромыхало что-то.**
***Так и есть—встречный трамвай. Как ты
думаешь: испугался Алешка или нет?***

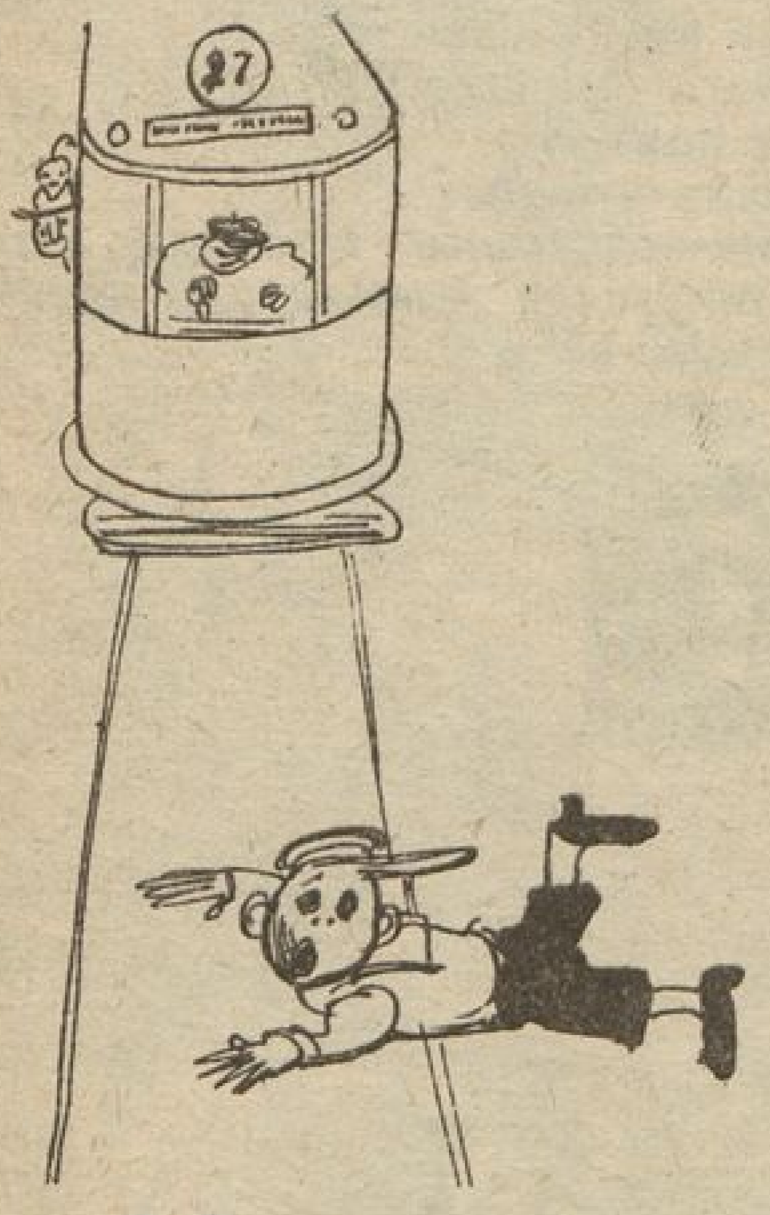

**4. Алешка чуть не плачет,
а Трошка дальше скачет.
На светофор глядит он
и говорит сердито:
—Зеленый загорится—не надо торопиться,
путь, стало быть, опасный;
когда же вспыхнет красный,
то, значит, можно ехать,
а желтый так—для смеха.**
***Как ты думаешь: правильно объяснил
Трошка или нет?***

Цена 40 коп.

5. Вдруг зашуршала шина—
летит на них машина.
Очнувшись от испуга,
Алешка ищет друга.
А тот уж на подножке
И ну кричать Алешке:
—Скорей ногами двигай!
Скорей за мною прыгай!
Как ты думаешь: что из этого получилось? Впрочем, сам видишь.

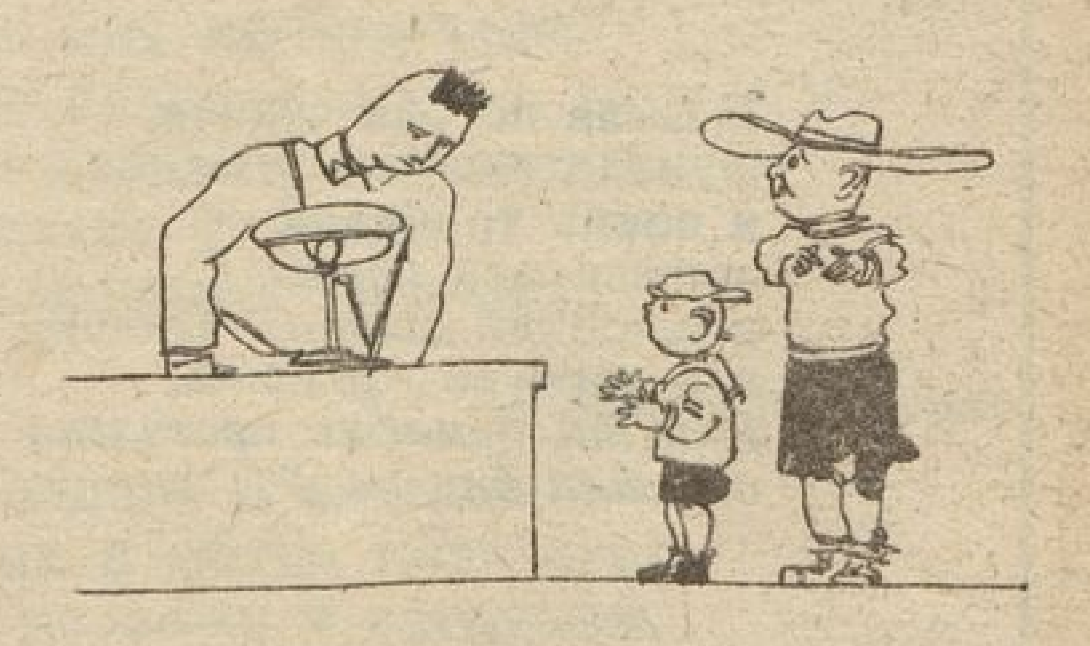

6. Блестели мостовые,
свистели постовые,
и лошади заржали,
и люди прибежали.
Кричит Алешка, воя:
—Упал из-за него я!
И бросился на Трошку.
Как ты думаешь: куда в конце концов попали наши друзья?

А попали они в милицию.

7. Кричит Алешка, воя:
— Упал из-за него я!
Вы Трошку накажите,
вы Трошку задержите!
А Трошка как заплачет:
—Я все напутал, значит!
Какой я несчастный!

И заплатил штраф сто рублей. Вот.

Ответств. ред. Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.

Уполн. Главл. № Б—40791 Заказ 2921 Тираж 130 000

Тип. изд-ва „Крестьянская газета", Москва, Сущевская, 21.